

7. Marshall, S. E. In Defense of Separate Spheres: Class and Status Politics in the Antisuffrage Movement / S. E. Marshall // *Social Forces*. – 1986. – Vol. 65, № 2. – P. 327–351.
8. Scott, A. F. One Half the People: the Fight for Woman Suffrage / A. F. Scott, N. Scott. – Philadelphia–New York–Toronto, 1975.
9. Siegel, R. B. She the People: the Nineteenth Amendment, Sex Equality, and the Family / R. B. Siegel // *Harvard Law Review*. – 2002. – Vol. 115:947. – P. 948–1048.
10. Sims, A. Beyond the Ballot: The Radical Vision of the Antisuffragists / A. Sims // *Votes for Women! The Woman Suffrage Movement in Tennessee, the South, and the Nation* / ed. M. Spruill Wheeler. – Knoxville, 1995. – P. 105–128.
11. Thurner, M. “Better Citizens Without the Ballot”: American Antisuffrage Women and Their Rationale During the Progressive Era / M. Thurner // *Journal of Women’s History*. – 1993. – Vol. 5, № 1. – P. 33–60.

Е. В. Лавриненко

Католический университет Люблина имени Яна Павла II

КАТОЛИЧЕСКОЕ ДУХОВЕНСТВО ПОЛОЦКОЙ И МОЛОДЕЧНЕНСКОЙ ОБЛАСТЕЙ В 1944–1956 гг.

13 октября 2019 г. Витебская диоцезия Римо-католического костела в Беларуси будет праздновать 20-летие своего основания. Витебская диоцезия охватывает целиком территорию Витебской области и является самой молодой среди всех белорусских диоцезий. Однако история католичества на этой территории ведет свой отсчет с XIV ст. При этом самым трагическим в истории костела на этой территории было XX ст. В восточной части сегодняшней Витебской диоцезии все легальные структуры костела и религиозная жизнь были уничтожены еще в межвоенный период. В западной же ее части, несмотря на репрессии и борьбу с так называемыми «религиозными пережитками» в послевоенный период, костел, хотя и ограниченно, смог сохранить свои позиции. Огромную роль в этом сыграли священники, служившие на данной территории.

Цель статьи – рассмотреть изменения в составе римско-католического духовенства Полоцкой и Молодечненской областей в 1944–1956 гг.

В 1944 г. на территории, которую сегодня охватывает Витебская область и, соответственно, Витебская диоцезия, находились Полоцкая и Витебская области, а также Поставский район Молодечненской области.

Полоцкая область была образована 20 сентября 1944 г., в ее состав входили 15 районов: Освейский, Браславский, Ветринский, Видзовский, Глубокский, Дисненский, Докшицкий, Дриссенский, Дуниловичский, Миорский, Плиссский, Полоцкий, Россонский, Ушачский и Шарковщинский. Часть территории этих районов – Браславского, Видзовского, Глубокского, Дисненского, Докшицкого, Дуниловичского, Миорского, Плиссского и Шарковщинского – в межвоенный период входила в состав Второй Речи Посполитой, где католичество имело привилегированное положение. Поэтому даже после событий 1939–1944 гг. здесь практически полностью сохранилась

предвоенная сеть приходов, в которых протекала активная религиозная жизнь. Молодечненская область была образована 4 декабря 1939 г. как Вилейская, а 20 сентября 1944 г. преобразована в Молодечненскую. В административно-костельной структуре это была территория Виленской архидиоцезии, где находились Браславский, Глубокский, Миорский, частично Надвильейский и два прихода Свентянского деканатов [7, с. 47–50, 55–59, 80–83, 86–89, 102–104].

В 1944 г. на территории Полоцкой области служило 38 римско-католических священников (*расчеты автора*). Большинство из них были настоятелями приходов: ксендз Киприан Свентек – Бобровщина, в том же году стал настоятелем прихода Дерковщина, ксендз Антоний Зенкевич – Глубокое, ксендз Ян Завистовский – Миоры, ксендз Чеслав Матусевич – Прозороки, ксендз Иосиф Козел – Далекие, ксендз Ян Литвинский – Язно и Черневичи, ксендз Казимир Ришард Гжегорчик – Докшицы, в 1945 г. стал настоятелем прихода Глубокое, ксендз Чеслав Кардель – Дуниловичи, ксендз Чеслав Барвицкий – Лучай, ксендз Леон Лавцевич – Леонполь, ксендз Ришард Стогандель – Парафьяново, ксендз Иосиф Возняк – Бороденичи, ксендз Станислав Богаткевич – Пеликаны, ксендз Станислав Кудеревский – Слободка, ксендз Станислав Гурский – Константиново, с этого же года он стал настоятелем прихода Волколата, ксендз Станислав Щемирский – Видзы, ксендз Казимир Радишевский – Шарковщина, ксендз Антоний Шубзда – Браслав, ксендз Франц Бильша – Плюсы, ксендз Ян Ромейко – Лучай, ксендз Люциан Павлик – Идолта, ксендз Вацлав Забаровский – Урбаны, ксендз Юзеф Ингелевич – Новый Погост, ксендз Антоний Зералко (монашеское имя Эмилиан) – Николаево, ксендз Казимир Томкович – Опса, ксендз Ян Грабовский – Удело, ксендз Петр Бартошевич – Порплище, ксендз Виктор Завадский – Воропаево, ксендз Эдвард Войцеховский – Дерковщина, в этом же году стал настоятелем прихода Константиново, ксендз Ян Мокшецкий – Подсвилье, ксендз Викентий Буйновский – Бельмонты. Остальные священники служили в приходах в качестве викариев (помощников настоятеля): ксендз Викентий Варша – Браслав, ксендз Альберт Новицкий – Видзы, ксендз Бранислав Слодиньский – Глубокое, ксендз Болеслав Заенц – Слободка, ксендз Бронислав Чапевский – Слободка, с 30 июля 1945 г. настоятель прихода Германовичи.

С 1945 г. службу в Полоцкой области начал ксендз Юзеф Францкевич, который стал настоятелем прихода Иказнь. Далее происходили следующие изменения: 19 сентября 1945 г. ксендз Викентий Варша стал настоятелем прихода Браслав, затем – Межаны. Ксендз Люциан Павлик в 1945 г. стал настоятелем прихода Друя и, одновременно, настоятелем Друйского монастыря ксендзов марианов, ксендз Петр Бартошевич – настоятелем прихода Докшицы, ксендз Чеслав Барвицкий – Лучай. В 1945 г. ксендз Болеслав Заенц стал викарием прихода Иказнь, в 1946 г. – настоятелем прихода Идолта. В 1946 г. ксендз Казимир Радишевский стал настоятелем прихода Германовичи, ксендз Ян Мокшецкий – Дерковщина. В 1946 г. выехал из Полоцкой области ксендз Бранислав Слодиньский, викарий из Глубокского. В 1947 г. настоятелем прихода Парафьяново стал ксендз Ян Завистовский, ксендз Ян Литвинский – прихода Задорожье, ксендз Ян Грабовский – прихода Германовичи. В 1948 г. ксендз Викентий Козел стал настоятелем прихода Дри-

святы, ксендз Викентий Варша – администратором прихода Прозороки, ксендз Ришард Стогандель – прихода Миоры [1, ф.1439, оп. 3, д. 114, л. 9; д. 92, л. 8, д. 115, с. 58; д. 114, с. 8; д. 107, с. 17; д. 90, с. 23; д. 93, с. 7; д. 113, с. 3; д. 90, с. 12, 14; д. 107, л. 15, 17; д. 92, л. 10; д. 119, л. 5; д. 92, л. 12, 14; д. 109, л. 15; д. 91, л. 5, д. 124, л. 21, д. 111. л. 10, 20, д.101. л. 13, 15, д. 105. л. 10, 29; д. 100, л. 6; д. 106, л. 16, 17; д. 89, л. 16, 18; д. 102, л. 16; д. 96, л. 9]. В 1949 г. в приходе Мосар был зарегистрирован ксендз Михаил Сухаревич, отбывший к тому времени четырехлетнее заключение [1, ф.1439, оп. 3, д. 121, с. 13].

В Поставском районе Молодечненской области в 1944 г. служили в качестве настоятелей: ксендз Ян Вельгат – приход Задевье, ксендз Юзеф Пакальнис – Лынтупы. В 1945 г. настоятелем прихода Поставы стал ксендз Кароль Козера. В 1946 г. настоятелем прихода Лынтупы стал ксендз Казимир Ришард Гжегорчик, прихода Камаи – ксендз Андрей Булька [1, ф.1439, оп. 3, д. 116, л. 9, д. 117, л. 7, 9, д. 118. л. 8, д. 120, л. 9].

Большая часть духовенства Полоцкого и Поставского районов Молодечненской области являлась диоцезиальным. Однако служили здесь и представители монашеских орденов и конгрегаций. Так, ксендз Антоний Зералко являлся францисканцем конвентуальным (OFMConv), ксендз Казимир Гжегорчик, ксендз Киприан Свентек и ксендз Ришард Стогандель были салезианами (SDB), ксендз Люциан Павлик, ксендз Болеслав Заенц и ксендз Юзеф Францкевич принадлежали к Конгрегации ксендзов марианов (MIC), ксендз Ян Литвинский и Вацлав Заборовский были езуитами (SJ), ксендз Кароль (монашеское имя Беньямин) Козера принадлежал к ордену кармелитов босых (OCD).

В 1946 г. умерло три священника – два в Полоцкой области: ксендз Викентий Буйновский (9 сентября) и ксендз Эдуард Войцеховский и в Молодечненской области 30 декабря 1946 г. ксендз Юзеф Пакальнис.

По сведениям уполномоченного Совета по делам религиозных культов при Совете Министров ССР по Полоцкой области на апрель 1946 г. на территории области имелось 44 действующих костела, в которых служил 41 ксендз [5, ф. 952, оп. 2, д. 4, л. 6, 9]. Однако уже в первом квартале 1947 г. в Полоцкой области находилось только 30 ксендзов. В результате священники были вынуждены обслуживать по несколько приходов. Так, ксендз Петр Бартошевич из Докшиц и ксендз Ян Мокржецкий из Дерковщины обслуживали по три прихода; ряд других ксендзов также обслуживали по два и по три прихода [5, ф. 952, оп. 2, д. 10, л. 123, 123(об)].

В результате изменения послевоенных границ Польши во время репатриации польского населения на выезд из Советского Союза записалось и все католическое духовенство. Уполномоченный совета по делам религиозных культов информировал, что по сообщению руководителей местных советских органов Видзовского, Браславского и Миорского районов Полоцкой области ксендзы действующих римско-католических приходов открыто проповедовали в костелах о необходимости выезда граждан в Польшу независимо от их национальности, мотивируя тем, что при Советской власти со временем никаких приходов существовать не будет, и передача костелов верующим для совершения религиозных обрядов – это временное явление. В частности, об этом говорил настоятель прихода Видзы ксендз

Станислав Щемирский, а также священники, периодически приезжающие на территорию Полоцкой области, в частности, в Браславский район, из Литовской ССР [5, ф. 952, оп. 2, д. 2, л. 277].

Однако при этом только некоторые ксендзы смогли воспользоваться возможностью выезда в Польшу. В 1946 г. выехали ксендз Чеслав Матусевич, ксендз Юзеф Возняк, ксендз Бронислав Чапевский и ксендз Станислав Щемирский. В 1946 г. вместе со своими прихожанами записался на выезд в Польшу, но не смог выехать ксендз Антоний Куява. Всего на конец марта 1947 г. из Полоцкой области выехало в Польшу 8 ксендзов [5, ф. 952, оп. 2, д. 10, л. 123, 123(об)].

В информационном отчете за третий квартал 1946 г. уполномоченный Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР по БССР сообщал, что ксендзы, записавшиеся в связи с репатриацией на выезд в Польшу, не использовали этого права в связи с поступившим распоряжением Ватикана и остались на своих местах, несмотря на желание выехать. Это сообщение чрезвычайно заинтересовало Совет, представитель которого просил местного уполномоченного сообщить, имеются ли в его распоряжении эти данные и какие-либо доказательства, а если это действительно имело место, то от кого оно исходило, через кого и как было передано [5, ф. 952, оп. 2, д. 8, л. 42].

Для властей, стремившихся ликвидировать религиозную жизнь в западной части БССР, выезд ксендзов был бы наилучшим способом избавиться от них, поэтому в связи с сопротивлением ксендзов регистрации 31 января 1947 г. уполномоченный по БССР предлагал уполномоченному по Молодечнской области «принять все меры, а если потребуется – оказать помощь в получении документов и подвижного состава ксендзам, записавшимся на выезд в Польшу, для отправки их туда».

Отношение к ксендзам демонстрирует нижеприведенный факт, о чем сообщил в своем донесении уполномоченный по Полоцкой области. 27 февраля 1947 г. Так, вернувшись из командировки из Докшицкого района, он был вызван секретарем райкома, который поручил в трехдневный срок отправить одного из священников в Польшу как «контрреволюционера». На это уполномоченный ответил, что в его обязанности «не входит выселять контрреволюционеров, их надо садить, а не выселять, но это к органам МГБ». В результате, по сообщению уполномоченного, секретарь райкома обозвал его «партийным обывателем» и «нецензурно предложил выйти из кабинета» [5, ф. 952, оп. 2, д. 8, л. 156].

В 1947 г. в БССР начинаются аресты римо-католических священников. Однако необходимо отметить, что первый арест ксендза на рассматриваемой нами территории датируется 1944 г. 7 декабря представителями органов НКВД Молодечненской области был арестован ксендз Ян Ромейко из прихода Лучай. Священник был обвинен в сотрудничестве с гитлеровскими оккупантами и Армией Краевой и осужден 1 апреля 1946 г. по ст. 63-1, 72 «б» и 76 УК БССР на 8 лет лишения свободы [8, s. 561].

Массовые аресты священников на территории Полоцкой области начались с 1948 г., когда было арестовано 5 священников.

Ксендз Казимир Радишевский был арестован 23 апреля 1948 г. и осужден Полоцким областным судом по ст. 72 «б» УК БССР на 10 лет [8, s.

506]. Ксендз Петр Бартошевич был арестован 13 октября в Порплище, после чего был вывезен в Полоцк, где ему было предъявлено обвинение, что на протяжении нескольких лет он «проводил антисоветскую пропаганду, не верил в силу Красной Армии, принуждал детей к молитве и активно участвовал в собраниях ксендзов, на которых дискутировались темы антисоветского характера». В начале 1949 г. Областной суд в Полоцке приговорил его к 25 годам лишения свободы, 5 годам поражения в гражданских правах и конфискацию имущества [8, s. 111].

Ксендз Чеслав Барвицкий был арестован 18 августа 1948 г. в Лучае. После предварительного следствия в Воропаеве священник был перевезен в Полоцк, где 7 января 1949 г. судебной коллегией Полоцкой области был осужден по ст. 72 «б» УК БССР (ст. 58–10 УК СССР) на 25 лет лишения свободы, 5 лет поражения в гражданских правах и конфискации имущества. Затем этот приговор был заменен высшей мерой наказания – смертной казнью, но, поскольку в 1949 г. ст. 58–10 не предусматривала смертной казни, в силе остался предыдущий приговор [8, s. 115].

Ксендз Чеслав Кардель был арестован 28 ноября 1948 г. 25 февраля 1949 г. священник был осужден по ст. 72 «б» УК БССР на 25 лет лишения свободы, 5 лет поражения в гражданских правах и конфискации имущества [1, ф. 1439, оп. 3, д. 124, л. 21].

В 1949 г. было арестовано 10 священников. Нет данных о конкретной дате ареста и приговоре ксендзу Альберту Новицкому из прихода Видзы и ксендзу Виктору Завадскому из прихода Воропаево [8, s. 665]. Неизвестна дата ареста ксендза Казимира Томковича, однако известно, что он был арестован в 1949 г. и осужден по ст. 72 УК БССР на 25 лет лишения свободы, 5 лет поражения в гражданских правах и конфискацию имущества [1, ф. 1439, оп. 3, д. 97, л. 22; 8, s. 599].

Ксендз Францишек Бильша был арестован 22 декабря 1949 г., после чего перевезен в тюрьму в Полоцк. По ст. 72 УК БССР был осужден на 25 лет лишения свободы, 5 лет поражения в гражданских правах и конфискацию имущества [8, s. 124].

Ксендз Ян Грабовский был арестован 18 октября 1949 г. Находился в тюрьме в г. Глубокое, затем в Полоцке, где в 1950 г. был осужден по ст. 72 УК БССР на 25 лет лишения свободы, 5 лет поражения в гражданских правах и конфискацию имущества [1, ф. 1439, оп. 3, д. 115, л. 58, 95–96; 8, s. 239–240].

Ксендз Юзеф Ингелевич был арестован в Новом Погосте 3 июля 1949 г. Был осужден в Полоцке по ст. 72 «б» УК БССР Судебной коллегией Полоцкой области на 10 лет лишения свободы [8, s. 273; 2, ф. 895, оп. 1, д. 4, л. 7].

Ксендз Кароль Козера был арестован 9 февраля 1949 г. и 10 июня 1949 г. осужден по ст. 72 «б» УК БССР Судебной коллегией Высшего суда БССР на 10 лет лишения свободы, 5 лет поражения в гражданских правах и конфискацию и имущества [8, s. 334].

Ксендз Антоний Куява был арестован 16 января 1949 г. 21 мая 1949 г. Полоцким ВТ войск МГБ Полоцкой области он был осужден по ст. 63–1 и 72 «б» УК БССР на 25 лет лишения свободы, 5 лет поражения в гражданских правах и конфискацию имущества [8, s. 356–357].

Ксендз Леон Лавцевич был арестован в декабре 1949 г. в приходе Бороденичи. В 1950 г. осужден на 25 лет лишения свободы, 5 лет поражения в гражданских правах и конфискацию имущества [1, ф. 1439, оп. 3, д. 107, л. 28; 8, s. 382–383].

В начале 1948 г. ксендз Ян Вельгат остался единственным римо-католическим священником в Поставском деканате. Однако в ночь с 9 на 10 февраля 1949 г. он был арестован и в сентябре осужден в Молодечно на несколько лет лагерей [1, ф. 1439, оп. 3, д. 117, л. 5–8, 9; 8, s. 631–632].

В 1950 г. было арестовано 6 священников. Три священника были арестованы непосредственно в своих приходах, остальные – после перехода на нелегальное положение. Ксендз Станислав Кудеровский был арестован 21 декабря 1950 г. в Слободке и 15 марта 1951 г. областным судом в Полоцке осужден по ст. 72 «б» и 76 УК БССР на 25 лет лишения свободы, 5 лет поражения в гражданских правах и конфискацию имущества [1, ф. 1439, оп. 3, д. 97, л. 7; 8, s. 355].

Ксендз Вацлав Заборовский был арестован в приходе Урбаны утром 22 декабря 1950 г. 15 марта 1951 г. Полоцкий областной суд на основании ст. 72 «б» УК БССР приговорил его к смертной казни, замененной позже на 25 лет лишения свободы [8, s. 657].

Ксендз Викентий Варша был арестован 6 апреля 1950 г. в приходе Прозороки и по ст. 72–6 УК БССР был осужден на 25 лет лишения свободы [8, s. 620].

Ксендз Антоний Зералко был арестован 6 января 1950 г. в приходе Лужки, откуда доставлен в тюрьму г. Полоцк. В мае этого года он был осужден на 25 лет лишения свободы [8, s. 671].

Два священника были арестованы в 1951 г. Ксендз Балтазар Будрецкий был арестован 28 февраля и 27 июня на основании ст. 58–1 «а», 58–6 и 58–10 УК РСФСР осужден на 10 лет лишения свободы и 5 лет поражения в гражданских правах [8, s. 141–142]. Ксендз Ян Завистовский был арестован 9 февраля, 9 июня судом Полоцкой области он был осужден по ст. 72 «а» и 76 УК БССР на 10 лет лишения свободы и 5 лет поражения в гражданских правах [1, ф. 1439, оп. 3, д. 111, л. 20; 8, s. 667].

Как следует из вышеприведенных данных, практически все священники на данной территории были осуждены по ст. 72 «б» Уголовного кодекса БССР, которая предусматривала наказание за «антисоветскую агитацию и пропаганду с использованием религиозных и национальных предрассудков». Большая часть священников получила наивысший из существующих приговоров – 25 лет лишения свободы, 5 лет поражения в гражданских правах и конфискацию имущества. Именно такие приговоры получило большинство арестованных и осужденных римо-католических священников в БССР в годы массовых репрессий. Из 225 священников, которые оставались на территории республики на 1 января 1946 г., в 1944–1952 гг., по неполным данным, было арестовано более 100. Из них 56,7 % были осуждены на 25 лет лишения свободы, 5 лет поражения в гражданских правах и конфискацию имущества, к 10 годам лагерей были приговорены 31,3% священников, остальные были осуждены на три, четыре, пять, восемь лет (2 приговора) и 15 лет (2 приговора) [9, s. 293].

Каким образом проводился арест священников и какой была реакция верующих, иллюстрирует следующий пример. Ксендз Викентий Варша из прихода Прозороки был арестован во время Страстной Недели 6 апреля 1950 г. в Великий Четверг. Поскольку представители органов приехали в Прозороки во время службы в костеле, они, не желая афишировать цели своего приезда, ожидали окончания службы в здании сельсовета. После службы к священнику пришел посыльный из сельсовета и передал, что ксендзу необходимо прийти в сельсовет для решения какого-то вопроса. В здании сельсовета священник был арестован. Тем временем на плебании (дом для священника и причта), где жил органист, а также родственники ксендза, органы оставили своего человека, который на протяжении суток не выпускал на улицу никого из ее обитателей, чтобы прихожане не узнали об аресте священника. В итоге прихожане узнали об аресте своего настоятеля лишь на следующий день [3]. Кроме этого, представитель МГБ Сиротин и председатель сельсовета Ильин предупредили органиста, чтобы он передал верующим, что поскольку ксендза нет и костел закрыт, то они не должны собираться возле костела на Пасху. Однако поскольку органист такого сказать прихожанам не мог, поэтому 9 апреля он вообще не выходил из дома.

9 апреля на празднование Пасхи перед прозорокским костелом собралось около 3000 человек, которые молились под открытым небом. После молитвы верующие написали заявление на имя Иосифа Сталина, в котором просили вновь открыть костел и прислать ксендза. Это заявление подписало 500 человек. В июне прихожане прозорокского прихода написали повторное заявление аналогичного содержания к властям, которое подписало 442 человека [5, ф. 952, оп. 1, д. 19, л. 42, 44; д. 21, л. 81]. Все это время верующие продолжали собираться на молитвы около костела.

Станислава Семерякова, в 1948 г. девочка-подросток из прихода Опса, вспоминает, что в один из дней ее мама пришла домой в слезах и долгое время молилась перед иконой. На расспросы домашних сказала, что сегодня был арестован священник из их прихода [6].

Часть священников, предупрежденная об арестах, перешла на нелегальное положение, однако избежать ареста им не удалось.

Практически два года, с июля 1948 г., находился на нелегальном положении, прячась от агентов МГБ, ксендз Станислав Богаткевич. Только благодаря помощи своих прихожан священник смог пережить это тяжелое для него время. Сперва он прятался на территории своей плебании в сарае, где хранились дрова, затем в деревне Рымшаны у семьи Ракель, а затем в деревне Руда в семье Миленкевичей. Однако 10 января 1950 г. священник был арестован, затем перевезен в полоцкую тюрьму. 30 марта 1950 г. на основании обвинений по ст. 72 «б» и ст. 34 «а», «б» УК БССР был осужден на 25 лет лишения свободы и 5 лет лишения гражданских прав [8, s. 130–131].

В августе 1949 г., предупрежденный об аресте, перешел на нелегальное положение ксендз Люциан Павлик из Друи. Однако 18 октября 1950 г. священника арестовали в приходе Идолта, откуда его перевезли в полоцкую тюрьму. 30 декабря 1950 г. Полоцким областным судом священник был приговорен по ст. 72 «б» и 76 УК БССР к высшей мере наказания, которая

затем была заменена на 25 лет лишения свободы, 5 лет поражения в гражданских правах и конфискацию имущества [8, s. 467–468].

Ксендз Юзеф Францкевич, перешедший на нелегальное положение в 1949 г., был арестован 15 октября 1950 г. в Иказни, откуда был перевезен в Полоцк и 30 декабря приговорен к высшей мере наказания «за вражескую пропаганду против советской власти». Смертной казни священник ожидал, находясь в камере смертников в оршанской тюрьме. Однако затем смертная казнь ему была заменена на 25 лет лишения свободы и 5 лет поражения в гражданских правах [8, s. 226–227].

Нескольким священникам удалось скрываться от органов НКВД в течение нескольких лет и избежать участи сталинских лагерей.

Ксендз Станислав Гурский перешел на нелегальное положение в 1949 г. За это время он сменил несколько мест своего укрытия. Сначала жил на хуторе у пожилой женщины, затем на территории прихода Константиново, затем на территории своего прихода, после чего вновь прятался в приходе Константиново [11, s. 89]. 7 октября 1952 г. священник был арестован органами МГБ, однако уже 15 января 1953 г. из-под стражи его освободили [1, ф. 1439, оп. 3, д. 112, л. 11–14, 17–19].

Ксендз Ришард Стогандель перешел на нелегальное положение 3 июля 1949 г., скрываясь в деревни Жминдино прихода Миоры до 27 сентября 1953 г., когда он был задержан районными органами милиции и переправлен в Полоцк. Однако уже 1 октября того же года был освобожден [1, ф. 1439, оп. 3, д. 115, л. 42].

Скрывался от ареста и ксендз Казимир Гжегорчик из Лынтуп, предупрежденный об опасности своими прихожанами [8, s. 245].

Ксендз Болеслав Заенц перешел на нелегальное положение в июле 1950 г. Первоначально он прятался в Браславе, затем на территории приходов Слободка и Плюсы, какое-то время на территории Латвии. Это время священник смог пережить благодаря помощи монахинь-евхаристок [8, s. 661].

Почти семь лет находился на нелегальном положении ксендз Антоний Шубзда – с июня 1948 г. по 1955 г. [8, s. 570].

Имущество ксендзов, перешедших на нелегальное положение, местными властями признавалось «бесхозным», после чего бралось на учет и реализовывалось финансовыми органами. Так, 19 декабря 1950 г. Браславский райисполком вынес решение о признании бесхозным и реализации имущества, ранее принадлежавшего ксендзу Антонию Шубзде и ксендзу Юзефу Францкевичу [5, ф. 952, оп. 1, д. 23, л. 218]. На деле же часть имущества священников попросту присваивалась теми, кто по долгу службы имел к нему доступ.

Ксендз Юзеф Ковальчик из Задорожья, предупрежденный об аресте, был вынужден покинуть свой приход весной 1947 г. На его место приехал служить ксендз Ян Литвинский. Он же и сообщил уполномоченному, что 24 мая того же года к нему явились три человека в присутствии местного представителя власти и забрали все имущество ксендза Ковальчика. Это были: корова, трехлетняя телка, восемь овец, две большие свиньи, семь поросят, восемь куриц. Кроме этого, были конфискованы два шкафа, шесть стульев, диван, маленький диванчик, пять столов, две железные кровати, центрифуга для выкачивания меда, 70 штук пчелиных рамок, примерно пять кубо-

метров досок, борона, плуг, воз без передка, пудов десять мешанки, пятнадцать пудов осыпки, два пуда льняного семени, два пуда соли, жернова, весы десятиричные, больше ста пудов картофеля, двое вил, лопата, молоток, семь серпов, большой таз, примерно полтора пуда свеклы, семь ламп, пять пар обуви, соломорезка, восемь кос. Часть имущества ксендза пошла на погашение задолженностей перед государством. В частности, было сообщено, что священник имеет следующие задолженности по налогам: подоходного налога 433 руб. 99 коп, налога со строений – 255 руб. и земельной ренты – 40 руб. Всего – 728 руб. 99 коп. В счет погашения этого долга были конфискованы вещи священника, оцененные следующим образом: круглый стол – 150 рублей, фисгармония – 400 рублей, две железные койки с сеткой – 200 рублей, будильник – 50 рублей. Итого 800 рублей. Но, как оказалось впоследствии, большая часть конфискованного имущество ксендза было украдено. В результате рассмотрением этого дела занялся прокурор [5, ф. 952, оп. 1, д. 7, л. 280–281].

Сам священник в это время находился на территории прихода Николаево, в котором он служил ранее, где прятался в доме семьи Якимович. Здесь ксендз Юзеф Ковальчик прожил с весны до поздней осени. Вечерами он выходил из своего укрытия и молился вместе с семьей Якимович. В это время он подготовил к первой исповеди их семилетнюю дочь Ванду. Екатерина Якимович, мать семейства, рисковала даже своей жизнью, когда прятала в своем доме священника. В один из дней в ее дом пришли местные милиционеры, искавшие ксендза. Екатерине Якимович начали угрожать, что если она не скажет, где находится священник, ее расстреляют, а детей сдадут в детский дом. Однако женщина отважно ответила, что она ничего не знает, а в случае чего у ее детей есть отец и дедушка, и в детский дом они не попадут. Ксендз Ковальчук, который прятался за печкой и слышал весь разговор, хотел уже выйти, чтобы не рисковать жизнью Екатерины Якимович, однако эти люди после смелой отповеди женщины ушли [4]. В начале зимы родственник семьи Якимович переправил священника в Гродненскую область, где ксендз Ковальчук позднее все же был арестован.

Только несколько священников избежали ареста. Это были ксендз Ян Мокжецкий, ксендз Ян Литвинский, ксендз Юзеф Козел, ксендз Андрей Булько и ксендз Антоний Зенкевич [1, ф. 4029, оп. 1, д. 17, л. 148; ф. 1439, оп. 3, д. 90, л. 23–24]. Но и их жизнь в это время не была спокойной. Так, ксендза Яна Литвинского неоднократно вызывали на допрос представители милиции и НКВД [8, с. 378].

Таким образом, начиная с 1948 г. количество священников в Полоцкой области в результате арестов постоянно уменьшалось. Например, в четвертом квартале 1951 г. на территории области имелось только четыре прихода, в которых служили священники, четыре прихода действовали без священника [5, ф. 952, оп. 2, д. 32, л. 33]. Это привело к тому, что католики начали посещать православные церкви. Явление это не было массовым, но уже в октябре 1949 г. уполномоченный Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР по Молодечненской области в своем отчете сообщал о фактах посещения католиками православных церквей [2, ф. 895, оп. 2, д. 2, л. 28, 106].

С апреля 1950 г. оставшимся на свободе ксендзам было запрещено служить мессы вне стен костелов, а также проводить продолжительные службы в горячее время полевых работ. Верующим было запрещено собираться на майские службы возле придорожных крестов [5, ф. 952, оп. 2, д. 25, л. 11].

Поскольку в результате арестов священников верующие остались без пастырской опеки, они начали собираться на молитвы без священников, чаще всего под руководством органистов или сакристиан. О массовости подобного явления свидетельствует прежде всего то, что данное явление оказалось в центре внимания уполномоченного Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР по БССР и вызвало обеспокоенность властей. 16 сентября 1950 г. в отчете уполномоченный писал: «Такого рода деятельность этих обществ противоречит советскому законодательству о культах и должна быть приведена в нормальное русло, т.е. никаких органистов или сакристиан не должно существовать в религиозных общинах, где нет служителя культа. Ибо эти лица являются непосредственными помощниками (слугами) ксендза, а не общества. Нашей регистрации как служители культа они не подлежали, а поэтому они относятся к категории верующих и только». Далее местным уполномоченным предписывалось в «ближайшее время вызвать к себе от каждой действующей без ксендза католической общины представителя исполнительного органа общины и бывших органиста и закристианина, где таковые остались, и предупредить их, чтобы никаких организованных молитвенных собраний в костеле не проводилось, каждый посетитель молится так, как он может. Игры на органе и других музыкальных инструментах, а также одевание кем бы то ни было костельного облачения в присутствии молящихся быть не должно. Ключи от костела могут находиться у председателя исполнительного органа общины или у сторожа костела, но открывать костел для проведения молитвенных собраний можно только при обязательном присутствии представителя. Предупредите его, что только он один несет ответственность за сохранность имущества и порядок проведения молебных собраний». Далее в документе сообщалось, что открывать костел для молитвы в приходах, где не было священника, разрешалось только по воскресеньям и в дни важнейших религиозных праздников [2, ф. 895, оп. 2, д. 2, л. 123].

Тем временем на территории Полоцкой области произошли следующие изменения. В 1951 г. умер ксендз Антоний Зенкевич из прихода Глубокое [10, с. 411]. В 1952 г. в Полоцкой области начали свое служение два новых священника – 9 октября в приход Глубокое был зарегистрирован ксендз Франц Перко [1, ф. 1439, оп. 3, д. 95, л. 17], а 25 октября в Браслав – ксендз Франц Свентек, монах редемпторист (CSsR) [1, ф. 1439, оп. 3, д. 96, л. 26]. Однако эти священники имели серьезные проблемы со здоровьем. В частности, ксендз Франц Свентек перемещался в инвалидной коляске. Также не была спокойной и жизнь этих священников. Так, хотя и на короткий срок, однако ксендз Франц Перко был арестован.

Нет данных о судьбе ксендза Киприана Свентека, возможно, он умер или выехал в Польшу.

После смерти Иосифа Сталина началось постепенное освобождение священников из лагерей, которые начали возвращаться в свои приходы. Однако к тому времени многие приходы как таковые не функционировали,

костелы были закрыты. В итоге священники вынуждены были находиться на территории своих приходов практически полулегально, а тем временем и они сами, и прихожане на протяжении долгого времени обращались в различные инстанции, добиваясь прописки для священника и его регистрации в приходе.

Возвращались священники уже на территорию Молодечненской области, поскольку 8 января 1954 г. Полоцкая область была упразднена в результате процесса укрупнения областей, а Браславский, Видзовский, Глубокский, Дисненский, Докшицкий, Дуниловичский, Миорский, Плисский и Шарковщинский районы вошли в состав Молодечненской области.

В 1954 г. было освобождено четыре священника: ксендз Юзеф Ингелевич (освобожден 11 сентября 1954 г. по амнистии), ксендз Казимир Радишевский, ксендз Ян Завистовский (освобожден 8 июня 1954 г.), ксендз Викентий Варша

Ксендз Юзеф Ингелевич, после возвращения в свой давний приход Новый Погост на протяжении 3 лет пытался получить регистрацию, проводя тем временем нелегальную душепопечительскую деятельность. Однако, не получив разрешения на служение в Новом Погосте, священник был вынужден выехать в Гродненскую область [8, s. 273].

После освобождения тайком вернулся в свой приход Прозороки ксендз Викентий Варша, поскольку возвращаться на старое место служения ему было запрещено. Ночью он сошел с поезда на станции Полевачи и нашел пристанище у некоего Ковалевского в д. Зябки, находящейся в нескольких километрах от Прозорок. В доме у Ковалевского священник жил в задней комнате, где не зажигали свет, чтобы не привлекать внимание местных жителей. Несмотря на трудности, священник проводил нелегальную душпастырскую деятельность, но вскоре был вынужден покинуть свой приход, поскольку, несмотря на усилия прихожан, уполномоченный Совета по делам религиозных культов при СМ СССР по Молодечненской области в регистрации священнику отказал [8, s. 620]. Только ксендз Ян Завистовский в том же году смог получить регистрацию в своем прежнем приходе – Парафьянове [1, ф. 1439, оп. 3, д. 96, л. 22–23].

В 1955 г. вернулись из лагерей ксендз Кароль Козера (освобожден 5 декабря 1955 г. по причине болезни, «которую невозможно было вылечить в лагере»), ксендз Станислав Кудеревский (освобожден из лагеря 7 октября 1955 г.), ксендз Антоний Куява (освобожден в конце 1955 г.), ксендз Леон Лавцевич, ксендз Виктор Завадский, ксендз Казимир Томкович, ксендз Ян Вельгат (освобожден 10 ноября 1955 г.), ксендз Чеслав Кардель (освобожден 10 января 1955 г.).

К моменту возвращения из лагерей ксендза Яна Вельгата его приход Задевые уже не существовал – костел был разобран, а население деревни выселено для строительства на этом месте аэродрома. Находясь в Поставах, на протяжении 18 месяцев священник безуспешно пытался зарегистрироваться в этом приходе, проводя тем временем нелегальную душепопечительскую деятельность [1, ф. 1439, оп. 3, д. 117, л. 5–8, 9; 4, s. 631–632]. Не получил регистрации в Поставах и ксендз Кароль Козера, который до ареста служил в этом приходе [8, s. 334].

Ксендз Станислав Кудеревский был освобожден в крайне тяжелом состоянии. В Молодечно он приехал в полубессознательном состоянии.

Там его нашла монахиня евхаристка Аполонией Петкун, которая привезла священника в Слободку, где тяжело больной священник на протяжении 5 лет оставался под опекой монахинь. Первоначально в регистрации ему было отказано [1, ф. 1439, оп. 3, д. 97, л. 7; 8, s. 355]. Отказали первоначально в регистрации и ксендзу Казимиру Томковичу.

В 1956 г. вернулись из лагерей следующие священники: ксендз Люциан Павлик (освобожден 17 мая 1956 г.), ксендз Францишек Бильша (освобожден в июне 1956 г.), ксендз Вацлав Заборовский (освобожден 30 мая 1956 г.), ксендз Станислав Богаткевич (свобожден 20 июня 1956 г.), ксендз Юзеф Францкевич (освобожден осенью 1956 г.), ксендз Антоний Зералко (освобожден 17 августа 1956 г.), ксендз Чеслав Барвицкий, ксендз Ян Грабовский.

Вернувшись в приход Лужки, на протяжении двух лет пытался получить регистрацию ксендз Антоний Зералко, за что особенно боролись его прихожане. Все это время священник проводил нелегальную душепопечительскую деятельность и служил мессу в своей квартире [8, s. 671]. Проводил ограниченную нелегальную душепопечительскую деятельность и ксендз Вацлав Заборовский, который проживал в деревне Беяны [8, s. 657].

В результате нежелания уполномоченного регистрировать ксендзов в конце 1956 г. в рассматриваемой нами части Молодечненской области без регистрации находилось 14 священников: ксендз Леон Лавцевич, ксендз Францишек Бильша, ксендз Вацлав Заборовский, ксендз Станислав Кудеревский, ксендз Альберт Новицкий, ксендз Люциан Павлик, ксендз Юзеф Ингилевич, ксендз Чеслав Кардель, ксендз Кароль Козера, ксендз Ян Вельгат, ксендз Ян Грабовский, ксендз Станислав Богаткевич, ксендз Чеслав Барвицкий, ксендз Ришард Стогандель [2, ф. 895, оп. 1, д. 2, л. 41–42]. При этом неизвестно, по каким критериям регистрировал священников уполномоченный. Так, в ответ на жалобы священников об отказах в регистрации в Совет по делам религиозных культов, 28 февраля 1956 г. уполномоченный Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР по Молодечненской области получил от председателя Совета Полянского телеграмму, в которой ему предписывалось зарегистрировать в числе прочих ксендзов Юзефа Ингелевича, Чеслава Карделя, Леона Лавцевича, Виктора Завадского и Станислава Кудеревского и «не чинить им препятствий в отправлении религиозных обрядов» [2, ф. 895, оп. 1, д. 2, л. 69].

В 1956 г. умер ксендз Ян Литвинский из прихода Задорожье.

Начиная с 1953 г. начали легализоваться священники, перешедшие во время массовых арестов духовенства на нелегальное положение: в 1953 г. – ксендз Станислав Гурский и ксендз Ришард Стогандель, в 1954 г. – ксендз Болеслав Заенц, в 1955 г. – ксендз Антоний Шубзда [8, s. 239, 570]. Лишь ксендз Станислав Гурский сравнительно легко получил регистрацию в приходе Волколата. С огромными трудностями при регистрации столкнулся ксендз Болеслав Заенц. Имел проблемы с регистрацией и ксендз Ришард Стогандель. После освобождения он проживал в д. Шнурки Повятского сельсовета Миорского района – на территории прихода, где он служил до перехода на нелегальное положение.

Обращает на себя внимание тот факт, что уполномоченные не желали регистрировать священников в тех приходах, где они служили до ареста. Среди священников, вернувшихся из лагерей, в своем бывшем приходе смог зарегистрироваться лишь ксендз Ян Завистовский. Остался в своем приходе

Слободка тяжело больной ксендз Станислав Кудеревский. Однако в архивном деле, где хранится документация данного прихода послевоенного периода, справка о регистрации священника после его освобождения отсутствует. Вероятнее всего, даже если священник и получил регистрацию, то, скорее всего, как викарий. Тем более, что в 1956 г. после определенных мытарств регистрацию в приход Слободка получил ксендз Казимир Томкович.

Были зарегистрированы в своих бывших приходах лишь два легализовавшихся священника – ксендз Станислав Гурский (Волколата) и ксендз Болеслав Заенц (Идолта). Остальные вернувшиеся из лагерей священники были вынуждены выехать в другие приходы БССР или же в ПНР. Среди вернувшихся из лагерей священников на данной территории смогли остаться лишь ксендз Люциан Павлик, ксендз Юзеф Францкевич, ксендз Ян Грабовский и ксендз Казимир Томкович. Лишь ксендз Томкович был зарегистрирован в приходе в 1956 г., остальные три священника получили регистрацию и право служения в приходах лишь в 1957 г.

Таким образом, в конце 1956 г. на рассматриваемой нами территории – той части Молодечненской области, являющейся теперь частью Витебской диоцезии, официально в приходах служили следующие священники: ксендз Казимир Гжегорчик – Лынтупы, ксендз Андрей Булька – Камаи, Михаил Сухаревич – Мосар, ксендз Ян Мокшецкий – Дерковщина, ксендз Юзеф Козел – Дрисвяты, ксендз Франц Свентек – Браслав, ксендз Франц Перко – Глубокое, ксендз Ян Завистовский – Парафьяново, ксендз Станислав Кудеревский и ксендз Казимир Томкович – Слободка, ксендз Станислав Гурский – Волколата, ксендз Болеслав Заенц – Идолта. Еще несколько священников находились на этой территории без регистрации, проводя там нелегальную душепопечительскую деятельность.

Список использованных источников

1. Государственный архив Витебской области (ГАВО).
2. Зональный архив г. Молодечно (ЗАГМ).
3. Крижановский Юзеф (1932 г. р.) Интервью в д. Прозороки, Глубокский район. 29.04.2009. (Архив Е. В. Лавриненко).
4. Лада Ванда (1940 г. р.) Интервью в д. Лыска, Миорский район. Август 2008. (Архив Е. В. Лавриненко).
5. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ).
6. Семерякова Станислава (1938 г. р.) Интервью в г. Витебск. Май 2001. (Архив Е. В. Лавриненко).
7. Catalogus ecclesiarum et cleri archidioecesis Vilnensis pro anno Domini 1939. Vilnae, 1939.
8. Dzwonkowski, R. SAC. Leksykon duchowieństwa polskiego represjonowanego w ZSRS 1939–1988 / R. Dzwonkowski. – Lublin, 2003.
9. Dzwonkowski, R. SAC. Represje władz sowieckich wobec duchowieństwa katolickiego obrządku łacińskiego w latach 1939–1987 / R. Dzwonkowski // Przegląd Wschodni. – 2000. – Т. 1. – Zeszyt 1 (25). – S. 275–298.
10. Fibek, J. Dzieje parafii i klasztorów katolickich na Białorusi. Część 1. Diecezja Witebska. Tom 2. Zachodnia część diecezji Witebskiej / J. Fibek. – Łomża, 2016.
11. Kobzik, J. «...ten szef przykazał rozburzyć kościół ...». Wspomnienia z lat 1939–1990 / J. Kobzik // W drodze. – 1991. – № 10. – S. 89–95.